

Седьмой день четвёртого месяца, раннее утро.

В тот день, когда Шэнь Люи уезжал, ещё не рассвело.

На нём была серая одежда из грубой ткани; волосы он собрал деревянной шпилькой, лицо припудрил желтоватой пудрой, скрывшей большую часть медового оттенка кожи. На поясе не было кинжалов: Чжэньюй и Сюаньфэн слишком приметны. Вместо них он спрятал в рукавах два обычных коротких клинка.

Он остановился у дверей спальни и оглянулся.

Сяо Янь-юань стоял у окна спиной к нему. Чёрная повседневная одежда делала его плечи ещё уже обычного. Он не обернулся.

— А-Чжао, — позвал Шэнь Люи.

Сяо Янь-юань не шевельнулся.

— Я ухожу.

Сяо Янь-юань всё так же не двигался. Только один раз тихо постучал пальцем по подоконнику — их условный знак, означавший: «Знаю».

Шэнь Люи улыбнулся и повернулся уходить.

Он успел сделать несколько шагов, когда за спиной прозвучал голос Сяо Янь-юаня:

— Шэнь Люи.

Он остановился и оглянулся.

Сяо Янь-юань наконец повернулся к нему. Рассветный свет из окна лёг на бледное лицо, немного смягчив его холодность. Сейчас он был похож не на императора, а на... Шэнь Люи долго искал подходящее слово и так и не нашёл.

— Не поранься, — сказал Сяо Янь-юань.

Шэнь Люи улыбнулся. На этот раз по-настоящему — сладко, с глубокими ямочками и миндалевидными глазами-полумесяцами.

— Хорошо.

Он повернулся и ушёл. На этот раз не оглядывался.

Сяо Янь-юань стоял у окна и смотрел, как его спина исчезает в конце галереи. Серая грубая одежда, обычная деревянная шпилька — не отличить от любого евнуха во дворце. Но Сяо Янь-юань знал: это не евнух. Это его клинок. Самый острый клинок, который он точил девять лет.

Теперь он выпустил этот клинок из руки. Отправил за тысячу ли — в Цзяннань.

Он опустил взгляд на собственную руку. Пальцы не дрожали. Он сжал их в кулак и положил на подоконник.

— Не дрожит, — сказал он себе.

Но следы пальцев на дереве остались такими глубокими, словно были вырезаны ножом.

Кабинет канцлера.

Вэнь Цзибай собирал вещи Вэй Ци в дорогу.

— Это порошок для ран, это противоядие, это перевязочная лента. Если поранишься, сначала перетяни вот этим и не геройствуй. Это сухой паёк, это бурдюк с водой, это...

— Вэнь Цзибай, — перебил его Вэй Ци.

— Мм?

— Я всего лишь еду в Цзяннань. Не на войну.

— Цзяннань опаснее войны. — Вэнь Цзибай укладывал вещи одну за другой. — Люди Цуй Сюаньбая там повсюду. Люди Белого Лотоса тоже. А ты один...

— Я не один. Шеф будет рядом.

— Даже если шеф рядом...

Вэнь Цзибай осёкся и глубоко вдохнул.

— Сяо Ци.

— Мм.

— Пообещай мне одну вещь.

Вэй Ци посмотрел на него.

— Не умирай, — сказал Вэнь Цзибай. В его персиковых глазах не было улыбки — только что-то тяжёлое и глубокое. — Не умирай. Хорошо?

Вэй Ци долго смотрел на него молча.

— Хорошо, — сказал он.

Вэнь Цзибай улыбнулся. Улыбка была лёгкой и бледной, как рябь от ветра на воде.

— Всё. — Он завязал узел и протянул Вэй Ци свёрток. — Иди. Не заставляй шефа ждать.

Вэй Ци взял свёрток и закинул за плечо. У двери остановился.

— Вэнь Цзибай.

— Мм?

— И ты пообещай мне одну вещь.

— Какую?

— Ешь вовремя.

Вэнь Цзибай замер, а потом рассмеялся. Громко, почти до слёз.

— Хорошо. Обещаю.

Вэй Ци посмотрел на него и ушёл.

Вэнь Цзибай остался у дверей кабинета, глядя, как его спина исчезает в конце галереи. Серая грубая одежда, обычный дорожный свёрток — такой же путник, как сотни на улице. Но Вэнь Цзибай знал: это не просто путник. Это его Сяо Ци. Тот, кого он десять лет назад подобрал у дороги, вырастил, самый милый на свете... маленький сухарь.

Он опустил глаза на свою руку. Пальцы дрожали.

— Не дрожит, — сказал он себе.

Но рукав задел чашку на столе. Та опрокинулась, чай разлился по столешнице и закапал на пол.

<http://bllate.org/book/23610/2686310>